

гла сприяти «популяризації» цієї схильності. Зі встановленням фашистського режиму в Німеччині почалося переслідування гомосексуалістів, а Інститут сексології, заснований М. Хіршвельдом в 1918 році, був розігнаний нацистами. В колишньому ССРСР відношення до гомосексуалізму також змінювалося, адже тодішня мораль, нетерпимість до будь-якого інакомислення, ізоляція з властивою їй обмеженістю на довгі роки визначили погляди співвітчизників. І хоча роки «перебудови» зруйнували старі стереотипи, проте рецидиви нетерпимості до сексуальних меншин виявляються і в умовах сьогодення, тим часом саме суспільство нерідко створює обставини, які сприяють формуванню і розширенню соціальної бази гомосексуалізму, насамперед, перш за все, соціальні інститути в'язниці, армії, закриті «одностатеві» учбові заклади тощо. Представники гомосексуалізму утворюють відповідну субкультуру геїв і лесбіянок зі своїми традиціями, сленгом, літературою, клубами, журналами.

До інших, достатньо численних сексуальних девіацій відносяться ексгібіціонізм (оголення геніталій у присутності осіб протилежної статі), фетишизм (сексуальний потяг до предметів туалету, частин тіла), вуайеризм (візіонізм, скопофілія – ваблення до підглядання за статевим актом або голими людьми), садизм (досягнення статевого задоволення шляхом спричинення болю, страждання сексуальному партнеру), мазохізм (отримання статевого задоволення при приниженні, фізичних стражданнях, заподіюваних сексуальним партнером), а також різного роду «філії» – некрофілія (статеві потяги до трупів), зоофілія (скотолозтво, содомія – статеві потяги до тварин), геронтофілія (статеві потяги до осіб похилого віку), педофілія (сексуальні потяги до дітей), тощо.

Нині деякі засоби масової інформації, замість глибокого і вдумливого аналізу причин і умов зростання та активізації цієї негативної, на наш погляд, форми девіантної поведінки молоді, вважають за краще підняти широкій аудиторії лише барвисті картинки із закулісного життя «салонних» і вуличних жінок або підкидати ідеї на тему «свободи повіям». Дійсно, протягом багатолітнього періоду свого існування проституція ніколи не представляла перед поглядами дослідників у вигляді константи, а відзначала етапи свого розвитку різними еволюційними «сплесками», пропорційно залежними від існуючих в суспільстві соціально-економічних відносин. Те ж саме ми можемо спостерігати і в умовах сьогодення, коли суспільство просто розгубилося в своїй адекватній реакції на цю проблему. Однак, це є соціальна проблема, і про неї не треба замовчувати, про неї треба говорити, з нею треба боротися, тому що рано чи пізно вона призведе до деморалізації та патопсихологізації нашого суспільства, до міжособистісних конфліктів, що будуть мати пагубні наслідки не лише для окремої особистості, але й для суспільства в цілому.

Джерела та література

1. Іванов Ю.Ф. Кримінологія: Навч. посіб. / Ю.Ф. Іванов, О.М. Джужа. – К.: Вид. ПАЛІВОДА А.В., 2006. – 264 с.
2. Фролов С.С. Соціологія: Учебник для студентів вищих навчальних закладів. – М.: Гардарики, 1999. – 344 с.
3. Маркс К., Енгельс Ф. Сочинення. – М.: Государственное издательство политической литературы. – Т.21. – С. 74.
4. Проституція и преступность. – М.: Юридическая литература, 1991. – 304 с.
5. Елистратов А. И. Борьба с проституцией в Европе. – Казань, 1909.
6. Флекснер А. Проституція в Европе. - М., 1926.
7. Ефременкова В. Регламентация проституции во Франции. – СПб., 1981.
8. Тарновский В. М. Проституція и аболиционизм. – СПб., 1988.

Ставицкий А.В

СОВРЕМЕННЫЙ МИФ И ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Говоря о решающих факторах, управляющих миром, не стоит забывать о власти слова. И слово, властвующее над миром – не Логос, а Миф. При этом надо сразу уточнить, что в данном случае речь идет о мифе не архаичном, а современном. Точнее об ином, более расширительном подходе к мифу вообще.

Отражая эмоционально окрашенные чувственные представления людей, миф наделяет знания значимым для человека смыслом, без которого он не сможет жить, существовать как человек чувствующий, страдающий, сопереживающий, мечтающий [См.: 1, с. 54-88]. И поэтому следует изначально понять, что миф – не есть обман, ложь, иллюзия. Он – не зло, которое надо всеми средствами искоренять, поскольку не лучше и не хуже самого человека, формируясь в соответствии с его опытом, согласно его желаниям и созвучно его мечтам.

Обнаружив, что миф существует в современном обществе, и буквально его переполняет, наука попыталась бороться с мифом, дистанцируясь от него и доказывая свое принципиальное отличие, но безуспешно. Ведь корни мифотворчества находятся в человеческом подсознании. Именно поэтому в отличие от науки миф апеллирует не к одному разуму, но еще и к чувствам. Благодаря этому, миф активизирует чувственный опыт пережитого, проецируя его на будущее и обращаясь в реальность, помноженную на мечту. Он делает реальность осмысленной, значимой и, таким образом, размещается в той сфере человеческой жизнедеятельности и господствует в той области его сознания, которая науке не подвластна. Ведь, мифы нельзя раз-

венчать разумными доводами, поскольку их сила – не в разуме, не в логике, а в эмоциональном, чувственном восприятии, в глубинах человеческой психики. И потому победить мифы можно лишь с помощью других мифов. А логика станет уместной лишь тогда, когда миф умер. Ведь миф «настолько для масс истинен, насколько ими ожидаем» [2, с. 170]. Вот почему все психологические и информационные войны – войны одних мифологий против других [3, с. 204-229].

Занимая особое, ни с чем не сравнимое, место в жизни человека, современный миф легко уличает науку в ее своеобразной ограниченности. Той ограниченности, которая в эпоху Разума несколько веков усиленно скрывалась. Поставив в основу своей позиции фразу И. Ньютона «гипотез не измышляю» [4, с. 144], наука, как выяснилось, только и может, что оперировать гипотезами. И на уровне науки-исследования, и на уровне науки-мировоззрения [См.: 5]. Но и в том, и в другом случае, она невольно вторгается в «сумеречную» зону знания, где господствует миф. Этим, в частности, и объясняется неспособность науки не только уничтожить миф, но хотя бы вытеснить его из сферы мышления. И не удивительно, ведь «наука не может поведать нам истину, поскольку представляет собой... лишь стремление к истинам, пусть безудержное и безоглядное» [6, с. 20]. Она не может дать человеку ответы на волнующие его вопросы, созвучные его ожиданиям. А миф может, поскольку он, «играя, поднимается до высот, куда за ним не в силах последовать разум» [7, с. 212]. Возможно, именно потому, что дает людям лишь те ответы, которые от него ждут. И нам остается признать, что понимание мифа может быть «отнесено к наиболее полезным открытиям двадцатого столетия» [8, с. 36]. Смысл его в том, что миф с победой разума и рационального мышления никуда не ушел, хотя теми, кто принимает и исповедует его, он не распознается. Более того, человек регулярно воспроизводит миф, занимаясь социальным мифотворчеством постоянно, потому что миф нужен человеку, людям, обществу, власти.

Одной из причин этого являются «ограниченные возможности человека в его познании и отражении реального мира, неизбежная при этом его символизация», которые «становятся основой для возникновения любых, в том числе, кардинально противоположных, мифов, а их массовое распространение уже зависит от социального и политического спроса» [2, с. 168].

Но сила мифа не исчерпывается «умственной ограниченностью» человека. По мнению известного мифолога XX века Дж. Кэмпбелла «дословное понимание символических образов извечно было – и фактически остается – опорой самой цивилизации, нравственных ценностей, сплоченности общества, его жизнеспособности и созидательной силы. Утрата подобных корней сменяется неопределенностью, а она, в свою очередь, влечет нарушение равновесия, поскольку человеческое существование... настоятельно требует жизнеутверждающих иллюзий, иначе у людей не остается ничего верного и надежного, никаких моральных устоев» [6, с. 13]. Возможно, для кого-то мифы являются ложью. Но, хотя бы того люди или нет, «именно на мифах основаны нравственные устои общества» [6, с. 14], а «лежащие в основании мифологии "исходные примитивы" задают специфику и определяют целостность любой культуры» [2, с. 170], поскольку мифы «образным языком рассказывают человеку о душевных силах, которые следует признать и сделать неотъемлемой частью своей жизни»; «силах, извечно присущих всем людям без исключения и олицетворяющих мудрость нашего вида, выкованную в бурях тысячелетий» [6, с. 17]. Иными словами, в мифах кроются те резервы выживания, без которых человек существовать не может, как бы он при этом к мифам ни относился. И связано это с тем, что в известном смысле мифы выполняют социальный заказ, определяемый общественным спросом, определенными социальными ожиданиями, потребностью в таких представлениях об окружающем мире и освоенной человеком социальной среде, которые бы помогли человеку и обществу в новых условиях выжить. Они заполняют тот вакуум информации, который существует в обществе при осмыслении им тех процессов, что в нем происходят. Они позволяют упорядочить, систематизировать представления на уровне массового сознания и найти в соответствии с этим уровнем простые и ясные ответы. Следовательно, корни мифотворчества вообще и социального в частности – в массовом сознании и подсознании, нуждающихся в ясных, понятных образах, символизирующих ценности и идеалы масс, доходчиво объясняющих им те процессы, с которыми люди благодаря средствам массовой информации сталкиваются сегодня каждый день. Корни мифотворчества – в преимуществах мифов перед реальностью, в их созвучности нашим представлениям и чувствам и в их виртуальности, которую человек, в отличие от реальной действительности, способен легко трансформировать и видоизменить, не меняя при этом сам.

Поскольку миф властвует над человеком, власть должна господствовать над мифом. Доминируя в смысловом поле человека, мифы, реализуя его потаенные мотивы, придают осмысленность человеческому существованию, определяют основные параметры человеческого бытия, обеспечивают успешный поиск «правильных» ответов, воплощаются в ценностях, идеалах, закрепляются в нормах и ритуалах, становятся той частью человеческого бытия, которую принято не замечать. Они определяют мотивы поведения, отношения между людьми, властью и обществом, различными социальными группами; закрепляют господствующие в мире иллюзии или устанавливают новые; сохраняют или разрушают общественные и политические связи; дают ощущение убежденности и правоты.

В политике «основная задача мифов – отражать реальное положение вещей и вызывать у людей определенные психические реакции, эмоции, душевные состояния. Эти состояния воссоздают уже иную, более воображаемую, чем действительно существующую, реальность, но пока в нее верят, очень значимую для масс» [2, с. 171]. Вот почему мифы так притягательны для власти. Ведь она держится на общественном мнении. От того, поддерживает ли общество действия власти, зависит их эффективность. И потому мифотворчество неизбежно становится особым направлением политики. Цель политического мифотворчества – контроль над умами людей, осуществляемый через формирование «устойчивых смыслов», воплощаемых в различных общественных идеях, ценностях, установках. Благодаря им, власти удается оправдать свои дей-

ствия, найти подходящие для своей политики объяснения, придав им необходимый и удобный для восприятия смысл, трансформировать политику в мнение и соотнести его с теми ценностями, которые политику освятят и оправдают.

Особенно важным является способность мифов «формировать в обществе разнообразные впечатления, способствующие чувству солидарности масс с нею; ориентировать общественное сознание в позитивном направлении, превращая индивидуальные и коллективные интуиции в некое подобие социального опыта, в систему позитивных социальных ценностей» [2, с. 172]. И власть не может игнорировать это, поскольку «тот правит миром, кто... творит его мифы» [1, с. 6].

Формируя психические и идеологические установки, обладающие стойкостью предрассудков, власть удовлетворяет социальную потребность во взаимном согласии людей в отношении определенных привычных и желаемых ценностей, символов, идей, освящающих их скрытые мотивации и явные интересы. И потому, в том, что в обществе господствуют те или иные мифы, следует винить не мифы, а тех, кто за ними стоит. Кто их использует, чтобы влиять на людей и манипулировать их сознанием.

С другой стороны, крайне важно видеть и понимать, насколько совпадают интересы народа, нации, государства с теми интересами, которые преследует конкретная власть, правящая партия, политическая группировка. И чем менее стабильна социально-политическая ситуация, тем больше их интересы не совпадают, и тем в большей степени мифы становятся средством манипуляции сознания, способом ухода от реальной действительности и сокрытия насущных проблем.

Говоря о природе возникновения и функционирования мифа, отдельные политологи и историки утверждают, что к политической мифологии обращается лишь «внутренне слабая» или «порочная» власть; что она изживается в демократическом и «открытом» обществе, имеющем доступ к политической информации. Но они забывают, что в мифах нуждается не только власть, но и общество, что они оба заинтересованы в их производстве, делая мифотворчество особым направлением в деятельности государства и частью общественной жизни. Таким образом, люди освобождаются от анализа, от понимания, от трудной работы по переработке политической информации, а взамен получают надежду. И потому по мере развития демократии политические мифы не исчезают. Меняются лишь роль и место политической мифологии в общественной жизни, механизм ее формирования и степень воздействия на общество. И поскольку «миф не только способствует сохранению основных традиций в обществе, но выступает источником, механизмом его постоянных изменений» [2, с. 175], он может быть использован не только для сохранения определенной власти, но и для ее разрушения. И об этом лишний раз свидетельствует крах СССР.

Распад Советского Союза, еще десять лет назад многими воспринимавшийся как роковая случайность, теперь рассматривается как исторически предопределенная данность. Попытка снять с людей «бремя» свободы во имя их грядущего счастья и «земное блаженство в социализме» (Н.Бердяев) [9, с. 70] не получилась. И та легкость, с которой распад произошел, во многом объясняется крахом тех мифов и идей, которые легли в его основу. Начавшийся с «перестройкой» процесс т. н. «демифологизации» социализма, не привел, как ожидалось, к победе реализма, и место старых советских мифов заняли новые.

По сути, вместо культа одной рухнувшей системы образовался культ другой. И главной задачей национальной культуры Украины стало обслуживать его. Хотя, тогда, в начале 90-х, многие наивно полагали, что наконец-то «эпоха лжи» закончилась. Но эпоха правды так и не началась. Просто в процессе «бури и натиска», характеризовавшимся научным импрессионизмом, политической романтикой и национальным экстремизмом, на смену одним мифам пришли другие. В результате то, что было названо «демифологизацией» стало обычным способом утверждения в обществе новой исторической и политической мифологии.

Конечно, новое национальное государство должно иметь свои мифы, а их характер и направленность определяются формой и характером политического режима, основными направлениями его политики и идеями, которые лягут в ее основу. Новая иерархия идей, интересов, ориентиров и духовных ценностей потребует их обязательной мифологизации, и процесс этот уже давно идет на всем постсоветском пространстве. «Сегодня все политические силы России включились в погоню за "Большой государственной идеей", - писал политолог А.Н. Панарин. – С одной стороны, в этом находит свое выражение реакция общества на цинизм и бездуховность политиков, пренебрегающих не только национальной традицией, но и всякими идеалами вообще. С другой – растерянность правящей элиты, проявившей полную неспособность внятно сформулировать ответ на основной вопрос государственной политики: в чем состоят национальные интересы России и какой стратегии требует их защита внутри страны и на мировой арене?» [10, с. 222]. Аналогичный заказ есть и в Украине, но связан он не столько с желаниями власти, сколько с необходимостью дать ответ на вызов истории, поставившей Украину перед драматическим выбором, требующим мобилизации всех ее ресурсов. А поскольку материальные ресурсы исчерпаны, общество ищет опору в ресурсах духовных.

Особую роль в поиске новых мобилизующих идей играет способность общества к мифотворчеству. Именно через него общество осмысливает свое настоящее и будущее, формирует свое отношение к тем проблемам, которые необходимо решить. И здесь определяющим является характер мифотворчества и его направленность, свидетельствующие не только о явных и скрытых желаниях и надеждах общества, но и том, что оно собирается в ближайшем будущем предпринять, какие идеи приведут массы в движение и какие лидеры их за собой поведут.

Среди мифов, возникших в Украине и особенно повлиявших на общественное сознание 90-х гг. XX века, особенно заметными были три мифа:

– миф о русском империализме и колониальной зависимости Украины от России;

- миф о независимости как кратчайшем пути к благосостоянию и процветанию.
- миф о крахе командно-административной (административно-приказной) системы, упразднении номенклатуры и победе демократии.

Провозгласившая их национальная интеллигенция попыталась с помощью мифов занять место большевиков, чтобы, воспользовавшись предоставленным ей правом монополии на идеологию, утвердить свой культурно-национальный авторитаризм. Но это ей удалось лишь отчасти, поскольку новые мифы слишком быстро обнаружили свою ущербность и не дали ожидаемых результатов. И вновь подтвердилась старая истина, что возвышенными целями, идет ли речь о социальной справедливости, национальной независимости, демократии и т.п. слишком часто прикрывались совсем иные мотивы. Отделение Украины от России и освобождение от ее «колониальной зависимости» не привело к улучшению условий жизни народа и росту его благосостояния. Наоборот. Крах экономический и социальный оказался для всех столь очевидным, что был сопоставим с шоком. Но почему? Что мешало новой власти воплотить в жизнь свои идеи и реализовать обещания? Анализируя схожие процессы, происходившие в Европе после первой мировой войны, известный испанский социолог Х. Ортега-и-Гассет писал: «Современный мир ведет себя по-ребячески. В школе, когда учитель выйдет на минуту из класса, мальчишки срываются с цепи. Каждый спешит сбросить гнет, вызванный присутствием учителя, освободиться от ярма предписаний, встать на голову, ощутить себя хозяином своей судьбы. Но когда предписания, регулирующие занятия и обязанности, отменены, оказывается, что юной ватаге нечего делать: у нее нет ни серьезной работы, ни осмысленной задачи, ни постоянной цели; предоставленный самому себе, мальчишка может только одно – скакать козлом.

Именно такую безутешную картину представляют собою теперь небольшие нации» [11, с.275-276].

Думается, что известный испанский философ многое упрощал. Но суть проблемы была им схвачена верно. Ведь в результате суетливой борьбы за политическое влияние и ресурсы был потерян стратегический замысел, и не сложилась общая для всех национальная идея. С другой стороны, хотя, возможно, представители новой власти многого и не знали, не понимали, но действия их по захвату власти и собственности были быстрые и умелые.

Дальнейшие события, правда, ясно показали, что одно дело – захватить власть и переделить собственность, и совсем другое – переделить общую для народа и государства стратегию, в основе которой действительные интересы страны, выстроенные в перспективе. И способна ли новая власть к решению этого уровня проблем, осознает ли свою ответственность перед народом, однозначного ответа нет до сих пор.

В данном контексте вполне уместен вопрос о национальной элите, об ее предназначении и ответственности за свои действия перед народом. Можно ли назвать элитой тех, кто в новых условиях просто захватил власть и пользуется ее благами для передела собственности? И хотя обычно тех, кто сумел захватить власть в стране, именно так называют, следует уточнить, что даже победителям в политической борьбе звание элиты надо еще заслужить. И связано это с пониманием, что задача элиты – дать ответы на Вызов истории и суметь организовать общество для ее решения. Можно ли называть элитой тех, кто, захватив власть, использует ее лишь в своих интересах? Кто не считается со стратегическими интересами народа, и этнически ограниченные иллюзии одного региона выдает за мечту всех? Предназначение элиты – дать ответ на вызов современности и, сформулировав его в понятной для народа форме, с его помощью воплотить в жизнь. Но мы не видим ничего похожего. Мы пока не видим в Украине политиков, способных подняться во имя общенациональных интересов над фракционными и региональными разногласиями. И одной из причин этого является отсутствие общей для народа и государства национальной идеи. Ведь «цивилизации создаются, защищаются, обновляются высокомотивированными людьми, а источники таких мотиваций отнюдь не сводятся к экономическим — они кроются в культурном наследии» [10, с. 321].

При этом стоит оговорить, что для кого-то национальная идея связана с чем-то патриархальным, с сохранением власти этнических мифов. Но в данном случае речь идет не об этом, а об отсутствии комплекса идей, способных объединить украинцев. Иначе говоря, кризис национальной идеи заключается не в том, что ее нет, но в том, что национальная идея, выпестованная в Восточной Галичине и предложенная для принятия и усвоения всей Украине, ее не мотивирует, не мобилизует, не объединяет.

По мнению А.С. Панарина, «Большая идея — это всегда ответ осажденного роковыми силами, но не сломленного субъекта, сохранившего ориентацию на идеал. Она появляется тогда, когда наличные материальные ресурсы иссякли и люди ищут опору в ресурсах духовных — там, где действительно находится источник всех чудес и парадоксов человеческой истории... Большая идея — это ответ человеческого духа на условия и обстоятельства, оскорбляющие наши чувства высшей правды и высшей справедливости. Отсюда нам и открываются будущие стороны Большой идеи» [10, с. 222].

Сегодня потребность в Большой идее в Украине очевидна. Но направленность тех идей, которыми пока руководствуются ее политическая верхушка и национально мыслящая интеллигенция такова, что они скорее усугубляют раскол общества и страны, чем их объединяют. Иными словами, современная украинская элита, или те, кто на эту роль претендуют, не в состоянии даже связно сформулировать идеи общенационального значения; не могут определить и сформулировать ответ на вопрос, в чем стратегические интересы страны; выдвинуть идеи, способные сориентировать и нацелить общество, вдохновить его, сплотить и мобилизовать.

Разумеется, ситуация за последние десятилетия существенно изменилась. Но та общественно-политическая и экономическая обстановка, которую мы наблюдаем в Украине сейчас, не позволяет нам с полной уверенностью утверждать, что власть действительно осознает свое историческое предназначение и действует в интересах народа; что идеи, ею выдвигаемые, мобилизуют и стимулируют общество в его движении вперед. У этих идей была иная задача: помочь разрушить существующую систему. Но мифы,

рассчитанные на разрушение, не помогают созидать. И теперь мы можем констатировать, что идеологическая и психологическая война, развернувшаяся в Украине в процессе кризиса и распада СССР и продолжающаяся до сих пор, имела целью не обретение свободы, не поиск великой идеи, а теоретическое обоснование передела власти и собственности. Вот почему миф о крахе и гибели номенклатуры оказался сильно преувеличен. Расставания с ней, вопреки прогнозам, не получилось. По сути, овладевшие массами национальные, либеральные и демократические идеи, не позволили им увидеть, что власть в стране за кулисами общественных движений была сохранена прежней номенклатурной элитой, что «бывшие» не ушли, а лишь сменили имидж. Так, по данным российского исследования «лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказались сегодня за пределами круга руководящих работников» [См.: 12, с. 151]. В Украине эта цифра еще ниже. В любом случае, по сути, в рамках формирования новой демократии и политического плюрализма, власть осталась в руках партии чиновников, и правившая ранее номенклатура в результате «номенклатурной революции» просто обменяла свой прежний советский режим на статус новых собственников. Социализм заменили «капитализмом», но господствующим классом «нового капиталистического общества» осталась «комиссарившая» и ранее в экономике, политике и культуре номенклатура. Иными словами, при «полной смене режима» власть сохранилась в руках правящего класса, а значит, произошел переход не столько от «тоталитаризма» к «демократии», сколько от номенклатурного социализма к номенклатурно-олигархическому капитализму. И новый «всплеск демократии» в условиях «оранжевой революции» 2004-го года принципиально ничего не изменил. Ведь к власти пришла не «улица», а тот, кто ее направлял. И хотя новый президент В.А. Ющенко, выступая на Майдане после церемонии инаугурации, назвал свою победу на выборах «победой свободы над тиранией» [13, с. 15], дальнейшие политические события в этом пока совсем не убеждают.

Источники и литература

1. Ставицький А.В. Универсальні функції соціально-політичного міфа // Дисс. ... канд. філос. наук: 09.00.03 / Таврич. нац. ун-т. – Симферополь, 2003. – 180 с.
2. Ставицький А.В. Деякі проблеми соціальної міфотворчості // Мультиверсум. Філософський альманах: Зб. наук. праць / Гол. ред. В. В. Лях. – Вип. 22. – К.: Український центр духовної культури, 2001. – С. 166-176.
3. Почепцов Г.Г. Психологические войны. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2000. – 528 с.
4. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т.3. Новое время. – ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 736 с.
5. Тростников В. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. – 1989. – №12. – С. 257-263.
6. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить / Пер. с англ.. Кирилл Семенов. – К.: «София»; ИД «Гелиос», 2002. – 256 с.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. В.В. Ошиса - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с. (Серия «Психология без границ»).
8. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.-К., 1996. – 463 с.
9. Бердяев Н. Смысл истории. – М.: «Мысль» 1990. – 175 с.
10. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Издательская корпорация "Логос", 1998. – 392 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Психология масс. Хрестоматия. – Самара, 1998. – 592 с.
12. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. – М.: Интерпракс, 1994. – С.151-155.
13. Колесников А.И. Первый украинский. Записки с передовой. – К.: Вагриус, Нац. книжный проект, 2005. – 415 с.

Троицкая Т.С.

ЕТНОМЕТОДОЛОГІЧНИЙ ПІДХІД В ОСВІТІ ЯК ЗБЕРЕЖЕННЯ ФІЛОСОФСЬКО-СВІТОГЛЯДНОЇ МАТРИЦІ НАРОДУ У СВІТОВОМУ КУЛЬТУРНОМУ ПРОСТОРИ

Разом з тим, останнім часом активізуються філософські пошуки не лише нових методологічних підходів, а шляхів наближення філософії і гуманітарних наук до усіх реальних, конкретних і специфічних сфер людського життя. Звичайно, філософія завжди буде герменевтичною діяльністю, тлумаченням та інтерпретацією будь-яких знань і думок. Сьогодні філософія втратила межі давньої трансценденції: вона простомовна, віршотвірна, публіцистична, афористична й есеїстична. Це, на нашу думку, з одного боку, є відповідною реакцією на раціонально-прагматичне мислення, а, з другого – апеляцією до “масової” людини, мабуть до тієї, що живе, як кажуть, просто, бездумно. Задля повочінності аналізу буття людини повсякденність, реальне життя стають усе частіше об’єктами філософської уваги. Саме тому нас вже не дивують бінарні концептуальні поєднання – філософія політики, філософія права, філософія освіти тощо. І не слід, здається нам, обмежувати таку інтеграцію філософії в усі галузі життя й думки.

Сучасні підходи до вивчення освітнього процесу проаналізовані в площині ідеалів і норм сучасної філософської раціональності багатьма вченими (В. Андрущенко, М. Бахтін, В. Біблер, І. Добронравова, Г. Ко-